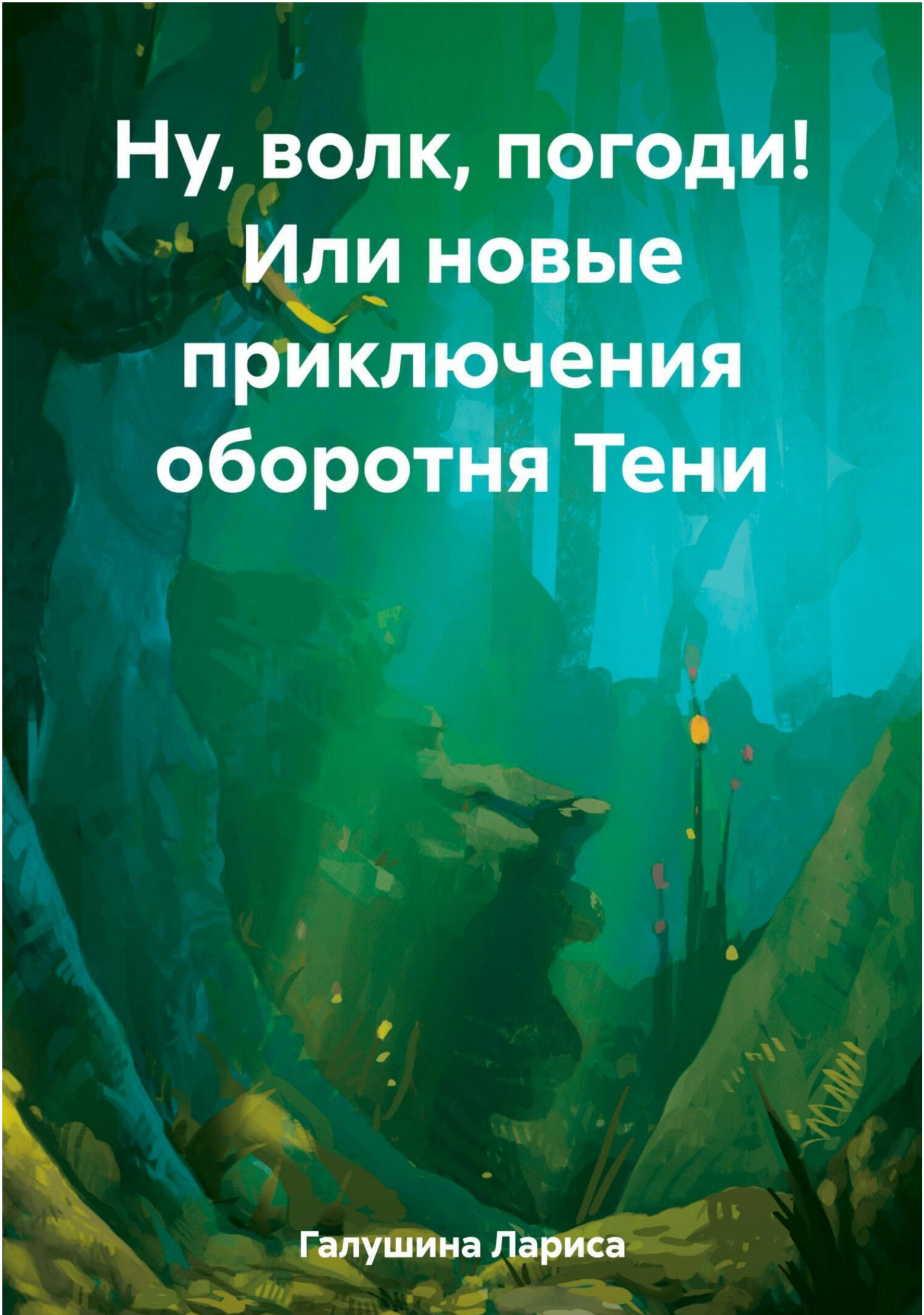


Ну, волк, погоди! Или новые приключения оборотня Тени

Галушина Лариса

Лариса Галушина

Ну, волк, погоди! Или новые приключения оборотня Тени

«Автор»
2023

Галушина Л.

Ну, волк, погоди! Или новые приключения оборотня Тени / Л. Галушина — «Автор», 2023

Поступил приказ: "Иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что!" И оборотень по имени Тень вынужден отправиться в путешествие по заповедным местам и невиданным временам, по миру, где сказки переплетаются с реальностью, а персонаж живут непредсказуемой жизнью.Продолжение романа "Ода на смерть оборотня"

© Галушина Л., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Путешествие туда, не знаю куда 5
Путешествие за тем, не знаю чем 16
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Лариса Галушина
Ну, волк, погоди! Или новые приключения оборотня Тени

Путешествие туда, не знаю куда

«Эх, оказаться бы сейчас в лесу! Да хоть в земле собакоголовых людей или синих многоруких богов!»

Я притулился за лавкой и мечтаю.

Надо мной, на лавке, сидит демон Филотанус. Голос его спокоен, но пол под ним дымится. Раскалилась и цепь в холёных руках. Наблюдаю, как нагреваются звенья цепи и приближаются к моему ошейнику.

– Почему именно мой обог'отень? Вьянд глуп и стар. Отправь дг'угих. – За годы жизни на чужбине демон не пожелал избавиться от акцента. – Или у хозяина Великих земель г'абы закончились?

Хозяин бескрайних лесных земель Кощей отвечает сурово:

– Рабы в моих землях не водятся. Слуги есть верные. Ведомо нам, только Тени под силу вернуть утраченное.

Второй час эти двое спорили обо мне, оборотне Тени.

Как я попал под лавку и отчего на мне собачий ошейник с поводком? То запрашивайте свиток под названием «Ода на смерть оборотня». Женщина, из простых смертных… Как её зовут? Вспомнить бы имя… Вроде бы Лариса…. Точно! Лариса Галушина! Она мои мытарства подробно описала. В свитке и читайте. А пока…

Филотанус раздражённо постукивает носком сапога, и целясь острым каблуком по моему хвосту.

– Вы увег'ены, что искать колдовской г'аг'итет надо в том самом месте?

Кощей пожимает острыми плечами под рубахой, вышитой золотыми нитями.

От дверей пискнул волхв:

– С вашего позволения, видения не врут – обруч там… и гадальный череп подтвердил…

Демон дёрнул цепь, мне в шею врезались шипы на ошейнике.

– Вьянд обязан обернуться в срок.

Вьянд – это я. Хотя меня Тенью с рождения кличут, демон Филотанус на правах хозяина выдумал мне новую кличку. Будто воробья какого-то. Вьянд —хиромант – арестант.

– Оборотень Тень возвратится с искомым, – Кощей негромко стукнул резным посохом: – За сим кончаю разговор. Слово моё твёрже Алатырь-камня.

Демон ткнул в мой бок каблуком и рывком поднялся. Лавка отлетела, ударилась об стену. Обломки рухнули на пол и вспыхнули.

Тут же из стен набежали домовые, растащили куски, затушили огонь. В кощеевой великой избе домовые проходят особую школу послушания. Светящиеся черепа, пылинка к пылинке, вековые паутинные разводы на окнах – как любит хозяин. За непорядок – строгий спрос.

Вот и сейчас домовые с укоризной глядели на дымящиеся демонические следы на натёртом деревянном полу. А я еле поспеваю за натянутой цепью и демоном. На выходе бросаю взгляд назад.

«Спасибо, батюшка Кощей, за передышку. Сочтёмся».

Дверь впечатала в стену зазевавшегося волхва. Часовые при входе отпрыгнули в стороны и взяли на «караул».

Кощеевы слуги действовали стремительно. И пообедать не дали: выдали лапти-бегоходы, накачали наставлениями, пригрозили хозяйским гневом, указали на юг и благословили напутственным пинком.

И понеслись лапти-бегоходы, гонимые волшебством. Мимо Кощеева терема, домов-деревень, леса хвойного тёмного, леса берёзового светлого, мимо луж-рек-речушек-озёр-морей, холмов-гор-возвышенностей, водопадов и полей-опушек; мимо большого муравейника и кривой пальмы.

Тут я встал. Не сразу, конечно. Пару вёрст бежал по инерции, затем проехал носом по песку.

Оглядываюсь: редкие в песке невысокие кусты, небо, горизонт и солнце. Пустыня.

Недоучка волхв, чтоб ему за обедом икалось, пожалел для лаптей колдовского варева. В бегоходах закончилось волшебство.

Делать нечего. Ящерицей закусил, на шею бегоходы определил и побрел по запаху, вслед за ветром.

Ну и скука: песок, хмарь, жарь и незнакомые созвездия.

Как добрался до берега моря – отдельный сюжет. Расскажу при случае, если желаете горько рыдать в меховую накидку. Скажу одно: кто говорил, что вараны вкусные, желаю, чтоб питался до конца земной жизни одними только варанами. Под соусом из сока кактуса и верблюжьих колючек.

Оказалось, степные львы пригодны для поездки верхом. Конечно, большие кошки – не лошади и не верблюды, под седлом ходить не привыкшие, но тот лев сам виноват. Нечего нападать на одинокого путника! Лёгкая с виду добыча вполне может оказаться оборотнем.

Главное, выбрался к морю. Настоящему, из воды и водных тварей. Всяко лучше, чем бескрайние песочные поля!

Льва на берегу отпустил, очень уж очень просил: детишки, мол, папу заждались, львицы соскучились и вообще… Ты, господи тень, дальше как-нибудь сам. Кроме того, есть поверье: кто льва съест, того понос на семь дней одолеет. Уверен, про поверье лев сам придумал в эту же минуту. Но отпустил, конечно. Повелел ему лишь лапы отрастить длиннее: сидеть неудобно, лаптями песок грёб. Лев обещал исправиться и отныне оборотней за версту обходить. И исчез в миг, только кисточка на хвосте мелькнула за барханом. Эх, я его Василием прозвал!

На берегу три бревна плотно сколотил – плот вышел. На нём дальше в путь пустился. При ярком солнце море выглядело ласково, но два дня болтанки убедили в обратном. Когда же ветер стих, плот встал посреди моря-океана намертво. Будто верёвкой привязанный. Вокруг только синь, жара, тоска и доска. Некогда мне среди моря торчать, высунутым языком рыб смешить.

Что же придумать?

Краем глаза смотрю: по лаптям-бегоходам искра проскочила. Думал, померещилось, солнечный луч играет. Ан, нет, ещё одна. Лапоть об лапоть потёр – запрыгали по лыку жёлтые искорки. Значит, осталось ещё волшебства на донышке. Любая магия нуждается в подзарядке. Оброс наскоро шерстью, натёр хорошенько лапти об бока и загривок.

Рыбы из воды рты разинули: искрю, как Перун. Не дурак буду, ближнюю когтём зацепил – вот и обед. Вторую поймал – вот и ужин. Рыба морская оказалась не хуже налима и щуки. Бегоходы плот подгоняют – тот несётся шибче норовистой конной колесницы.

Брызги, ветер, рыбы врассыпную, дельфины наперегонки, сверху шумят оголтелые чайки – эге-гей, залётная!

Быстро долетел, славно.

И по берегу бродить не пришлось. Запах точно вывел к нужному месту: к бездонной дыре в земной скорлупе.

Шелестит трава, по камушкам бежит ручеёк, а среди камней чернеет провал. Обычная дыра; оттуда тянет жаром и вонью, будто несвежие куриные яйца. Хоть я и привычный: приходилось нюхать пьяных дружинников, ведьминскую приворотную настойку, мухоморы в прокисшем молоке, но тут…

Запихал в ноздри шерсти. Легче стало.

На нагретый камень присела яркая птичка. Забавно наклонила синюю головку, чирикнула. Вспорхнула да у входа рухнула замертво.

– Эй, живёт там кто али как?! – В дыру рыкнул:

Эхо рявкнуло в обратку:

– …сам дурак!

Мимо пролетела бесплотная лёгкая тень, нырнула в черноту. Эх, а мне туда надо! Живой душе туда ходу нет, да я не живой! Тень за тенью, в самую земную глубину.

Узко, скользко, на освещении экономят. Спуск длинный, что, правда, то, правда. По склизким каменным ступеням вниз, вниз и вниз.

Оборотни выносливы, половину седмицы однажды бежал без остановки, но тут в сон клонит. Кругом грязь: потолок сочится слизью, под ногами натекли по стенам липкие лужи. Что ж местные хозяева так запустили сени.

На Руси бы любая смертная баба это безобразие в раз вычистила, пауков и мокриц бы повывела, ступени домотканными коврами застелила.

Спускаюсь дальше.

«Неужто пройду сквозь земное яйцо? Вылезу с другой стороны. Что там? Наткнусь ли на кита или рухну в огненную реку?»

В провалах стен неведомое шевелится и вздыхает. В каменную черноту клыки показал и когти выпустил. Мало ли что там живёт и кем питается; отращивай потом обгрызенные конечности. Хлопотно, щекотно, да и недосуг.

Тишина стоит такая, что зубы сводит. Ни муха не прожужжит, ни зверёк не прошуршит. Лишь беззвучные тени. Только эхо шагов гулко стучит. Ну да оборотни умеют передвигаться бесшумно. Эхо стихло, безмолвием голову сдавило.

Да что я ж песням не обучен? Голос мой хвалят: благородный, говорят, выдержанный баритон. Мужики деревнями выходили в лес «спасибо» сказать, факелами и оружием выразительно бряцали. Ну да мне, простому гению, зрители ни к чему, встреч с поклонниками избегал.

Здесь же из слушателей только невнятные недовольные тени. Ну так слушайте. Пасть распахнул и поддал жару. Сочиняю на ходу:

Вурдалак подавился
Ногой бабы тощей.
Оказалась, пообедал
Он своею тёщей!

Стены обезумили, ударили многократной отголосицей:

– Ей! Ей! Эгегей!

Схватился за уши, чтобы не отвалились. Несусь на четырёх лапах, а эхо пинками в уши подгоняет: —…дал, …щей, …эй!

Тут поскользнулся на склизкой луже, упал и покатился кувырком вниз.

Бодро так, стуча зубами о камни. Ровно девяносто три ступени пролетел: одна с щербиной, восемь с трещиной, три с острым краем.

Поднялся, отряхнулся, покряхтел. Кости проверил, языком по зубам провёл – так и есть, на месте одного дыра. Глазами пошарил, зуб с каменного пола поднял. Сунул в карман: негоже частями тела раскидываться.

Тут и ступени закончились. Проход расширился, потянуло сыростью. За поворот шагнул и рот разинул. На пути железные ворота. Столь велики, что железа хватило бы на копья и щиты боевой дружины. Кому понадобилось под землю тащить этакую махину! Какую хтонь сдерживает засов размером с вековую сосну? Однако не заперто – в щель просочилась очередная бесплотная тень.

Подтянул пояс, шагнул вперёд. Потом чуть не выпрыгнул обратно. Увиденное подняло шерсть на затылке. За воротами пещера – каменный мир с площадями, лабиринтами, столбами. Стены в мареве теряются, вместо неба – каменный потолок в грязных облаках. Сыро, душно, как зимой в худой избе. И воняет. Ну, о запахе уж говорил.

Посредине пещеры чёрная вода до горизонта. На берегу тёмные призраки толпятся. Шабаш тут у них, что ли? Колыхаются ровненько, в три ряда, не буянят, костров не жгут.

В центре призраков – длинная тощая фигура в тёмном балахоне.

Балахон осматривает, одних в лодку пропускает, других шестом отгоняет. Вода не плещется, балахон не ругается, тени от ударов вздрагивают беззвучно.

Что ж они молчаливо живут, как на погосте? Глухие поголовно или только этот дед с шестом и в дряхлом рубище? Подойду, поздороваюсь, по законам вежливости.

Раздвигаю занавесу теней, подхожу. Ух, ты: не привык я снизу на собеседника смотреть, а долговязой да тощей фигуре чуть выше плеча достаю.

– Гой еси, хозяин, – кричу, да погромче. – Мир вашему дому.

Под потолком заметалось эхо, каменные стены вздрогнули, дед в балахоне взвился, и мгновенье спустя стоял, готовый к бою. Не глухой, значит. Не ожидал такой резвости от дряхлого да старого.

– Кланяюсь приветом Чернобога с северных земель, вроде как коллегой приходится. – Пальцем вежливо отодвигаю от носа острие шеста: – Что в избе тихо, умер кто? Прислан я за железным головным ободом, посередине камешек зелёный. Волхвам привиделось с похмелья: обруч канул в Лету. Тут он, стало быть. Не попадался ли в хозяйстве?

Дед вздёрнул всклокоченную бороду, даже задымился маленько. В провале вместо глаз зажглись красные огни.

– Есть где помыться с дороги? – Не отступаю я. – Не в обиду, хозяин, но не мешало бы отхожее место вычистить, воняет шибко.

Тут дед свой шест поднял и ринулся на меня.

– Не чуешь, свой я, бессмертный! – отпрыгиваю от ударов, – Брось палку, слышь, дед, брось. Хуже будет…

Неожиданно поскальзывается на предательски мокрых камнях. Да что за день-то такой! Тут же получаю шестом в лоб. Скашиваю глаза к переносице, камни бросаются навстречу…

Лежу. Угрозой не пахнет. Страхом тоже. Тихо. Не открываю глаз, пристроил под головой тёплый камень. Вздремну, пожалуй. Отдохну и наведу в избе порядок. Где-то тут Кощеев обруч с изумрудом, если волхвы не врут.

*****

Жердь в балахоне оказался серьёзным дядькой: строгим и неподкупным. Звать Хароном, по профессии местный управляющий, паромщик и по совместительству бог.

Обруча с зелёным камнем не видел. Дал подсказку, где искать:

– Ищи, незваный, в реке шумящей пучины.

– В Лете ищи, – перевожу на доступный язык. За несколько дней обучился понимать старца. – Что кануло, на дне обитает. Отсюда деться некуда: последнее пристанище.

Вонючая чёрная вода оказалась рекой Летой. В неё и канул искомый обруч Кощея. Да тут океан мутной воды! С проходами, заводями и лабиринтами с каменными столбами.

Разве в такой махине найдешь потерянную вещь?

Но слезами делу не поможешь. И так в пути задержался: ошейник временами дёргает, напоминает об участи непреложного обета. Ну-с, засучим рукава. Б-р-р-р, водица больно склизка. Главное, не пить, иначе выползу на берег юродивым: без ума и памяти.

Ныряю и ползаю в тусклой темноте, аки рыба морская. Шарю голыми руками в иле.

За неделю достал со дна речного:

1. тапки, сандалии, зонтики, вазы, скульптуры крылатых львов и изваяния всевозможных разномастных богов;

2. обломки ковчега. Харон заявил, что это корабль мужика по имени Ной;

3. кость кита, в чьём чреве обитал пророк Иона;

4. монеты, бабьи финтифлюшки, украшения, кольца, ожерелья и всякую драгоценную дребедень. Отобрал в свой карман парочку пустяков Грёзе на радость;

5. глиняные и древесные таблички с письменами. Эти отложил аккуратной стопкой. Эх, прочитать бы! Да языков иноземных не разумею;

6. обломок с надписью «…итаник»;

7. 15 000 тонн несбывшихся надежд;

8. барахло, мусор и ветошь.

Эх, где же Кощеева безделушка?

На костре румянится странная безглазая рыба, запекаются летучие мыши. Местным жителям – чёрным призракам и душам по нраву свет и тепло, толкутся подле, лезут чуть не в пламя. Пришлось строго рявкнуть. Линию на камнях углём очертил: вот граница, за неё ни ногой… ни кусочком савана не суйся:

– Уразумели, души бесплотные? Иначе объясню по-оборотнически!

Понятливые. За угольной чертой плотной призрачной завесой колыхаются. Да под каменным небом висят грустными облаками.

Харон у костра песню стихотворную гудит. Рад свободным ушам, намолчался среди безголосых теней.

Эпические поэмы, по-нашему байки да сказы, Харона игривые, как Лета, светлые, как подземный Тартар, забавные, как тусклые души: о Хаосе, о смерти Танате, раздоре Эриде, о тяжелых видениях Гипноса.

У поэзии преимущество перед нашими частушками: под неё сладко засыпается.

По-соседски, из далёкого загробного мира, частенько заглядывает в гости Миктлантекутли, Микки по-домашнему.

Сперва зубы ломит, шерсть в носу колышет, пальцы на ногах сводит, ухо заворачивает. Из ничего образуется в воздухе радужная дыра. Затем ширится; свет глаза щиплет.

Из дыры вываливается колода, точь-в-точь в какой смертные пчёл разводят. Присмотревшись, находишь сверху колоды пенёк – с зубами череп.

То вечно живой бог Смерти ацтеков в гости пожаловал через пространство бытия. Не сводит с меня десятки глаз. Они на груди рассыпаны ожерельем и подмигивают игриво.

Гость вздыхает да облизывается. Облизывается да вздыхает. Егозит по многочисленным зубам шустрый язык.

– …вспомню – забыть не могу – о боге смерти ацтеков. – Рассказывает Харон о госте. – По Земле пройдёт он – демоны все затрепещут…

– Брехня! – чистой воды враньё! Мне доводилось общаться с высшими демонами: такие трепещут только при землетрясении, вместе с почвой. Хотя… Кошусь на ацтекского гостя, ёжусь от плотоядной улыбки. Повторяю не так убедительно. – Демоны не трепещут!

Харон продолжает гудеть:

–… и пожрал он демонов немало,
С женой богиней Миктлансиуатль,
С которой обитают в нижней,
Девятой преисподней Миктлана…

Вот где собака порылась: пожрал. Мила-текут-ли-сопли демонами закусывает.

Точно: во рту зубов, что звёзд на небе. От такой улыбки хмурый день черней, от улыбки даже солнышко загнётся. Содрогнись улыбкою такой, перемелют зубы оборотня кости.

М-да, неприятная новость. Тому, кто пожирает демонов – оборотень всё равно, что мышь после росомахи – на один укус.

Не отворачиваюсь, отползаю от костра. Ныряю в души, как в море, пара прыжков – и в Лету. Чую, на дне смертельной реки безопаснее, чем рядом с обаятельной улыбкой соседа.

*****

Дни тянутся бусами на шее красавицы. Один к одному камешку схожие: жемчужина к жемчужине, после ещё в три ряда…

На берегу, на ровной каменной площадке, кучка находок подросла до холма, холм упорно превращается в гору. Конца-краю не видать мусору со дна Леты. Мда, запустил хозяин свои владения. Бесплотные души на гору мусора натыкаются, подвывают только им слышимой музыке.

– Где ж твоя хозяйка, Владыка Леты? – спрашиваю Харона. Недалеко пять душ запутались в рыболовных сетях. – Навёла бы в вотчине порядок. Как-то не по-хозяйски… Толкутся, призрачные, что пчёлы в улье. Два шага шагнёшь – трёх душ смахнёшь. Бродят, воют.

– Не положено, обол не заплачен, – гудит Харон пустой бочкой. – Да и веселее с ними: бродят, воют.

… тысячи ж душ, улетевших блуждают меж нами повсюду
ибо исполнена ими Аида земля, исполнена Лета!

– Значит, за деньгами дело стало? – рассуждаю. – Заплатить требуется? И на том свете нищему упокоения нет!

За переправу к месту последнего пристанища души мелкой монетой платят. Если сварливые скупые родственники не положили в могилу обол, мелкую монету, то и бродить умершему на берегу Леты многовечно. Неподкупный паромщик за бесплатно не работает.

– Этого хватит? – киваю на блестящую кучу. Неделями таскал монеты со дня Леты: ракушки, гривны, лидийские чешуйки и охапки других, названия которых не знаю.

Харон застыл. В черноте капюшоне над нечесаной бородой загорелись два красных огня. Потухли, вновь вспыхнули. Огни уставились на меня, на гору монет, на колышущиеся души, на меня, на лодку, на деньги. Колесо мыслей Харона явственно и со скрипом повернулось, стряхивая пыль веков.

Один огонёк заморгал и потух.

Души заинтересованные подтянулись, нависли полотном с боков и сверху.

– А ну, други и недруги умершие, становитесь в ряд по старшинству! – Главное, не дать Харону очухаться. – Перевозка к месту вечности объявляется открытой. Кто полезет вперёд других, будет сослан вечно убирать слизь на ступенях!

Тёмные призрачные души шустро, как дружинники при призыве на обед, выстроились в ряд. Очередь изгибалась змеёй по пещере, лепилась по стенам в пять рядов; хвост терялся

в железных воротах при входе. Самые старинные и шустрые уже набились в лодку. Быстро перечитываю: десять душ. Хм, перевозить по десятку штук зараз, не управимся и за век. Тут в голову вежливо постучалась шальная мысль:

– Ну-ка, попробую! – подвинул недвижимого Харона с одним светящимся глазом. – Дело лени не любит.

Хватаю ближайшую душу, ловко сворачиваю в компактный комочек. Покатал по ладони, подкинул и – опа! – пинаю носком в лодку. Попал!

Неплохая, кстати, может забава получиться. Не всё стрелами и копьями кидаться. Подам идею смертным: бросать в рыболовную сеть надутый бычий пузырь. Разделить на две команды, придумать и обучить правилам, назначить старцев следить за недопущением вольностей. В рыболовные сети определить по стражнику – самых ловких – не допускать надутый пузырь в ворота. Зрителей опять же к забаве допустить. Пусть за ограждением сидят, добрыми криками забавников подбадривают. Торговцев мёдом напустить… А как игрокам разных команд различать, кто есть кто на поле? Обрить одним полголовы с левой стороны, а другим – с правой? Или привязать к игрокам первой команды к ногам сено, а к иным – солому? Додумать следует!

Рассуждаю, а сам уже десятую душу клубком сворачиваю. Ногой поддаю, в лодку закидываю.

Харон посмотрел, крякнул, рукава балахона засучил, схватил ближнюю душу и давай месить.

Эх, не лепил ты, Харитоша, снежков по зиме. Кривой комок получился, корявенький. Душа протекла сквозь костлявые пальцы, упала на пол, попыталась развернуться. Пришлось зубом цыкнуть. Душа поняла, самодеятельно в шар замоталась и попрыгала в лодку колобком.

Харон потом шест приспособил. Ловко так: шар на пол кидает, шестом размахивается и летит душа в лодку. Плюхается смачно, ровно в то место, куда целился. Тоже ловкая забава! Но некогда любоваться: души подпирают, сверху, с боков наседают, призрачные руки тянут. Все хотят на иные берега.

Светила в каменной пещере Харон не имеет, в пещере вечная тьма. Не скажу, сколько времени мы прессовали души в клубки. По звериному чутью не меньше трёх раз наверху солнце вставало и садилось. Когда разогнул деревянную спину, опустил тяжёлые руки, то в лодке высилась гора плотных скомканных душ. За вершину зацепилось грязное облако.

Харон отсалютовал шестом и отчалил. Прилягу на ставшем уже родным камешке. Тяжко спасать мир без привычки.

Только закрыл глаза, как острая боль заставила выгнуть спину и зашипеть. Ошейник раскалился, горло сдавил. Хочу взвыть, но никак. Хватило сил лишь шипеть, изгибаться и царапать камни когтями.

Эхо подхватило и унесло «А-А-А-А!» под потолок, закрутило в облаках и каменных сосулях.

Когда отпустило, чую: мокро. Открываю глаза, а Микки меня из кувшина поливает. Многочисленные глаза вопросительно мигают.

– Не волен я. – объясняю. А у самого вместо голоса позорный щенячий писк. – Возращения требует… Силу надо мной имеет, чтоб его, не уймётся! Мне же без обода возврату нет.

От стыда глаз не поднимаю, разглядываю обломки когтей. Ох, и болит обожжённая шея. Миктлантекутли вздыхает и успокаивающе гудит.

– Приезжай в наши леса, Микки, угощу на славу. – И снова Микки поливает горячий ошейник, как засохший куст. – Э-э-э… спасибо, – шепчу я. Пытаюсь ухмыльнуться, но губы не слушаются. Только и могу, что позорно шепелявить. – Харон говорил: демоны по твоей части. Но не обессудь, из наших демонов есть только худосочный… Хочешь, я его нутро зайцем с травами нафарширую. Вкусно будет…

Ошейник затихает. Прохладная вода убирает боль. Закрываю глаза и проваливаюсь в забытье.

*****

С утречка, после завтрака, Харон встал на скалу над рекой и, воздев руки к потолку, выпустил из глаз яркий свет. Два ярких красных луча принялись шарить по водам Леты. Дно высветилось как на ладони.

Давно бы так.

– Стой, – кричу. На дне сверкнуло зелёным.

Плюхаюсь в воду, не раздевшись. В тусклом свете нащупал и выудил кусок изумруда размером с кулак. Тьфу, ты напасть, не то. Кидаю в кучу хлама.

– Давай, Харитоша, свети сызнова!

На второй раз достаю рыбину. Сильная, скользкая, с полруки будет. В пасти моя голова помещается, над острыми зубищами фонарик – он в темноте и светил зелёным.

На третий раз не тороплюсь. Аккуратно разгребаю донный ил, откидываю камни.

– Харон, обруч! С зелёным камушком! Нашёлся!

*****

Прощальный обед удался на славу. Простая вкусная еда. Летучие мыши, жаренные целиком. Оливки, маслины, виноград, сыр. Мясо зубастой рыбины с фонариком оказалось плотным, белым; под чарку за милую душу зашло. Вина было много: кислое, молодое, терпкое.

Микки засунул руку через радужную дыру и вытащил оттуда длинные жёлтые овощи, усыпанные зёрнами, как ёжик иголками, и тёплые человеческие сердца. Сердца ещё бились – подношение тамошних волхов.

За столом было шумно и весело. Шумели и веселились мы с Хароном; Микки же по обыкновению, молчал, зато пил за троих.

Ну и мы поднажали!

Сначала наполнили кубки с двумя вертикальными ручками до краев, и выпили за смекалку оборотня. Затем повторили за радушного хозяина подземелья Тартарского Харона. Третий тост был за милашку Миктлантекутли, пусть ему не чихается в своём Миктлане. Далее за гостеприимство, за богов наших и ваших, светлых и тёмных, за присутствующих, за Цербера, за летучих мышей, за молодое вино и богатый стол, за бесплотные души, за человеческие мечты, канувшие в Лету, за… Да разве всего упомнишь!

Человечину скормили скулящему Церберу, жёлтыми зёрнами же плевались на дальность. Харон уверял, что победа за ним. Но знайте: оборотня не переплюнуть.

В голове моей мысли затеяли чехарду. Одна, странно трезвая, сидела, сложив кренделем ножки. Потом вежливо постучала. Отмахнулся, не до тебя: Тут Микки с Хароном на спор борются. Национальная игра владык мёртвых и неживых. «Двум смертям не бывать» называется. Боги уселись напротив другу друга. По центру – плоский камень. Острые локти расставили, ладонями, что ловушками, сцепились. Силятся ладонь соперника на камень повалить. Рука Харона костлявая да крепкая, в работе с шестом закалённая. Микки же коренаст и крепок. Тоже бог. Друг друга стоят.

Тут моя мысль встала во весь рост, невежливо замолотила в мозг, я аж протрезвел на минутку. Как можно было об этом забыть?

– Нужен м-м-мастер…– дергаю Харона за хлипкий балахон. – М-м-ои лапти…

Харон отмахнулся. У Микки из глаз искрами посыпались, ладони чуть качнулись в сторону хозяина Леты.

– Лапти-и-и-бегоходы ды-ды. – Я вцепился в балахон Харона, как клещ. – Э-э-э, совсем худы.

Капюшон Харона нехорошо задымился. Плоский камень треснул посередине. Сцепленные ладони наклонились к Микки.

– До-до-мой мне как?

Тут камень не выдержал, обломался с треском. Боги повалились в стороны, одинаково задрав к каменному потолку тощие ноги. В моих руках остался кусок ткани.

– Бегоходы. Волшебства бы в них. Чуть-чуть, – твёрдо, как мог, сказал я, пряча лоскут за спину. – Домой п-п-побегу.

Лежащий Микки на меня многочисленными глазами с груди моргнул и загудел. Харон из-под драного капюшона переводит:

– Миктла…тли…тля, ик… схвативши, швырнёт куда пожелаешь,

Хоть далеко, …ик…из бездны подземной в лесные масс-с-с-сивы…

Отлегло. Спасибо, друзья. Неровно встаю на ноги, распутываю из балахонов богов. Харон валится снова. С грохотом, во весь рост, сосна вековая. С Микки кряхтим, поднимаем, ставим бога вертикально; сую ему шест для равновесия, в другую руку – чашу с вином.

Объявляю тост:

Друзья, судьба у нас одна!
Так выпьем крепкого вина!
Я рад разлить его по чашам,
Благословляя долю нашу.
Пьём за спасение. До дна!

По кудлатой бороде Харона скатились капли. Он отбросил шест и залез в складки балахона, рядом со свежей заплатой. Вытащил глиняные таблички.

«Небось на земле не видал такого, – говорит! – Зри! Богини! Для, ик, тебя».

Гляжу, а на табличках нарисованы рыхлые женщины в куцых тряпочках. Фу, срамота: все дела наружу, призывные улыбки. Посмотрел на них и взгрустнулось. Перед глазами встала одна, как настоящая, с серебряной косой до земли.

Встряхнул головой, прогнал наваждение:

– Споём, Харитон! Хор-р-роший ты мужик. Правильный.

Харон кулаком эху погрозил, чтоб хоронилось в каменных сосулях, поднял кубок:

– Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который, – запел он радостным голосом, от которого хотелось одновременно завыть и повеситься: –

Странствуя долго со дня, как святой Илион им разру-у-ушен,

Многих людей города посетил и обычаи виде-е-е-ел…

– Калинка, калинка, калинка моя!

В саду ягода калинка, калинка моя! – завопил я так громко, как смог. У меня тоже голос, я тоже петь хочу!

Микки загудел в унисон.

Славно поём, на редкость складно. Песни Харона, как обычно, без конца и края, о путешествии некого Одиссея. Тот, по-видимому, хитрый малый: навалял хозяину Леты и выбрался живым.

Я напоследок железным наконечником выцарапал на скале общий портрет. Харон стоял напротив, качался, склонив голову в капюшоне. Эй, друг, не уснул часом?

– Тайну вечную открой, что намалевал. Не скрывай, поведай.

Балда, а ещё бог! Вот, смотри, это я, красавец-оборотень: гордая осанка, могучий торс, усы, лапы и хвост. Здесь Цербер, все его три головы. Вот Микки (похож?) глазами хлопает, рядом души бесплотные.

– Кто это будет? Свирепствующая жердь, взглянешь – прослезишься.

– Это ты, Харитон.

– ʊʃuτφFбn̲! €ΩΔЗη!

Ишь как! Художника всякий может обидеть.

Харон же не отстаёт.

– Совет Харона прими и слушайся речи
Незачем возвращаться к человекам наземным.
Друг благородный, останься ты с нами
Честь жрецу окажи, держись за удачу зубами.

Говорит серьёзно так, даже протрезвел. В ответ широко развожу руки и выразительно касаюсь ошейника.

– Я о тебе помышлял; участь твоя безотрадна.
Слово только скажи: твою изменю я судьбину.

Тут и гадать нечего: Харон, доброе сердце, светлая душа, предлагает мне снять удавку. Он бог, ему по силе. Но, спасибо, друг, я сам влез в кабалу, добровольно. Если не вернусь, то полудницу… лучше об этом не думать. И о своей судьбе тоже.

Миктлантекутли тщательно меня обнюхал, руку лизнул, поколдовал вот уже дырья готова. Портал, то есть. Боги клятвенно уверяют, что выведет меня дыра туда, куда требуется. К дому.

– Б-р-р, – от взгляда на портал передёргивает. Дыра висит, ни за что не привязанная, переливается себе. Ярко, в полный глаз не посмотришь. Вот уже не думал, не гадал, что нужда заставит внутрь лезть. Микки же суетливо тычет меня в спину. На шее, промеж глаз, мой зуб на верёвочке висит – подарок на вечную память.

Харон выудил из складок балахона свиток, ногу отставил, руку поднял величественно. Речь заготовил.

Кланяюсь в пояс по отдельности хозяину, Миктлантекутли, Церберу, душам, всему миру тёмному, подземному:

– Спасибо, братцы, за приют и ласку. Земля, как яйцо, ровная да без углов, значит, увидимся. Харон, нужник всё-таки почисти. Попроси, что ли, героя забредшего.

Рукой махнул, разбежался и кинулся в портал, как в омут: – Эх, помоги Чернобог!

Что вам сказать о путешествии через пространственную дыру? Весело, как кролику в удаве: заглотило, пожевало, помяло, покрутило и исторгло.

Рухнул носом в мягкий мох. Эх, славно дома!

Воздух густой – дыши полной грудью, каждый глоток слаще прежнего. Пахнет болотом, хвоей, кислой ягодой, солнечной поляной, свежим лосиным навозом. К яйцам – к тухлым ли, к свежим – не притронусь ближайшие лет сто. Нанюхался с лихвой. Обод…схватился за поясной мешок – ух! – на месте.

— Пошто шалапутничаешь, шушара? – зашипело поблизости. – Тень, ты штоль, шобака? Откуда? С шабаша пришвартовался?

Поднимаю голову. Гляжу: торчит из боярышника борода местного лешего, Шарашки. Принюхиваюсь: не лосиным навозом пахнет, а Шарашкиным.

– Прости, Шарашка, ежели напугал.

– Што делается, куда мир катится. В наш век таких шалопаев не было! – Шумит, а сам ветками обрастает. – Што же будет, если шакалы из ниоткуда шарахаться начнут!

Рад видеть тебя в добром здравии, Шарашка! Извини, некогда болтать – ошейник нагревается.

– Не шути, шалопай! Шишек тебе лишку! Ты дымишься! Пожар! Пожар!

И тебе не хворать, Шарашка! Побегу я. Тут недалеко: мимо речушки, краем леса, через поле стоит Кощеев терем, а поодаль – подземная изба демона Филотануса.

Успел. Ворвался в тускло освещённую горницу аккурат, как ошейник раскалился до невозможности.

Демон Филотанус сидит в кресле вполоборота. Играет цепью, стучит по звеньям перстнями. Та отзывается тонким звоном. Демон оборачивается, в глазах вспыхивает серебро.

– Вовг'емя, Вьянд. Мне становилось скучно. – Он подался вперёд и сладострастно облизал тонкие губы. – Мой хог'оший обог'отень.

Цепь по-змеиному подползла, закрутилась вокруг ног, примотала к телу руки и звякнула об ошейник.

Потерплю. Недолог век моего рабства: осталось сто два года, три месяца и восемь дней.

Путешествие за тем, не знаю чем

Я в катакомбах застрял навсегда, клык даю!

Глотаю тысячелетнюю пыль, ползаю в развалинах, брожу по каменному лабиринту, роюсь в бесчисленных нишах, тайниках и сокрытых сундуках.

Сквозь зубы поминаю добрым словом почившего в стародавние времена колдуна Вырви-Глаз, его свиток «Власть, Мировое господство и прочие пустяки», и демона Филотануса: «Г'азорвись, Вьянд, на мильон кусков, но г'аздобудь пустячок».

Ага, раздобудь! Я свитков нашёл столько, что хватит отсюда до края земли широкую дорогу вымостить. Свалил в стога посреди каменной залы. Нужный ищу «чтоб я сдох, сколько дней». Или уже лет?

И что странно, в этом месте колдовство не действует. Даже мало-мальское. Напрасно я призывал нужный свиток, окроплял манящим зельем и распылял волшебный порошок. Только расчихался. В сердцах расколотил о камни бесполезные магические горшки.

Вот ещё: думал, здесь будет полно охотников за магическими тайными свитками, приготовился к славной сочной драке: когти отрастил – прежние в демонической пыточной машине оставил.

Но ведь в катакомбах нет никого. Совсем нет. Живыми не пахнет. Только трупы прежних охотников. Спотыкаешься, а они высохли и пылью рассыпаются.

Почему бы колдуну Ведомиру Вырви-Глаз не спрятать формулу всемирного господства в более подходящем месте? Например, на Карибских островах – отсчитать пятнадцать шагов к югу от кривой пальмы, копать в полнолуние в присутствии танцующих аборигенок? У колдунов своеобразное чувство юмора, чем больше возни и смертей, тем милее их псевдосердцам.

Хотя на лёгкое задание меня бы не послали. Филотанус не согласился бы ни за что! Это уж если совсем безвыходно – приходится ему со мной расставаться. Уж как он скрежетал зубами и поглядывал на новую, усовершенствованную дыбу. Но, видать, желание мирового господства жжет изнутри, раз демон, хоть и стёр зубы в труху, решил повременить с пытками.

На моей памяти троих посылали за свитком. Последним отправился упырь из Кощеевой стражи – пустоголовая дубина с лапами, вдвое моих шире. Проиграл упырь в «кости», зарычал, проломил с одного удара дубовый стол. Хотел и на мне злость сорвать. Пришлось улыбнуться. Я хоть и вынужден на серебряной цепи за Филотанусом бегать, по стене себя размазывать не дам. У упыря теперь, что у кролика в удаве, два выхода: либо сдохнуть, либо принести требуемое. То-то, впредь наука: не связывайся с демонами.

Тринадцать месяцев прошло. Упырь из катакомб не вернулся, как и прежние гонцы.

Его я нашёл. Возле сцепившихся трупов: вурдалак и вампир вонзили клыки друг в друга. Упырь, видать, остановился полизать мертвечатинки.

Тут его и настигло нечто.

Прежде чем сдохнуть окончательно, упырь себе уши выдрал и глаза выцарапал. А на морде застыло выражение величайшего ужаса.

– Что ж тебя так напугало?

Молчит. Один глаз на длиннющем когте невидяще уставился в чёрный потолок, на другой я случайно сел. Приятно встретить знакомца далеко от дома.

Эх, костёр бы развести, да дров не жалеть: свитков и пергамента хватит Кощеев дворец обогревать целый год. Да уж воздух сухой, мелкая пыль вездесущая, как в пустыне.

Чтоб встряхнуться, достаю из-за пазухи стамнос – сосуд для вина, подарок греческого бога Харона. Чудесный кувшин неиссякаемый. Хоть сколько угодно бочек наполни из него, а всё равно плещется. На вкус вино молодо, зелено, кисло – куда ему до нашей браги – но сил придает и мозги бодрит.

– Ах ты! Что это? – будто влезла склизкая гадина в уши, жуёт мозги гнилыми огрызками.

Из пустоты лабиринта, из-за угла, засвербил затылок пристальный взгляд. У нас, оборотней, острое чувство чужого присутствия.

– Кто там? – рявкаю в темноту. – Выходи! Не трону!

Тишина. Дальше – больше: морозит загривок, щетинит холку. Во рту от того взгляда сохнет, а горло спазмом схватывает.

Вмиг во рту и горле сделалось сухо. Высунул язык – не помогло. Шерсть на затылке встала дыбом, по хребту потекла холодная струйка. Глотнул добрый глоток вина из сосуда – на воробьиный скок полегчало.

Странные ощущения, очень странные. Огляделся – никого. Ощерил клыки в черноту, а там никого… Тишина… Пустота…

… тут послышался свист, – не угрожающий рев охотившихся тварей, а долгий, нудный свист. Я и дышать забыл как.

Лапы вдруг сделались без силы, будто штаны, набитые пухом одуванчика. Я поймал себя на желании опуститься на четвереньки, прижаться брюхом к пыльному полу и завыть.

Судорожно оглядываюсь, но резко одёргиваю:

– Ишь, устрашилка! Ну, свистит кто-то, ну, шерсть дыбом, ну, зубы стучат. П-п-подумаешь!

Тут сердце заколотилось, как у барана перед жертвоприношением, того и гляди пробьёт рёбра изнутри. Уши сами собой прижались к голове, а хвост – вот ведь полено трусливое – отгрызу, отдам в баню мочалом! – вжался между задних лап.

– Эй, кто там! Выходи! Не убью!

Тут мелькнула ярко-жёлтая вспышка.

Корка на спине растаяла и поползла вниз ледяными струйками. Кто ж скулит тонко, жалобно? Неужто я сам? Гнить мне в катакомбах пустой шкурой, пугать потолок мёртвыми глазами.

Да. Лягу. Умру. Здесь и сейчас. Зачем возвращаться? В моём родном лесу уж давно стая оборотней хозяйничает. Ежели бойня, не уступлю, но против стаи не выдержу.

А Грёза, она… Что Грёза? Приказывал же себе: забыть о ней!

Иной раз демон забавлялся: – Катись, яблочко по блюдечку, покажи полудницу.

Рычу:

– Прекрати!

В ответ неизменный тонкий смех. Яблоко крутилось, на блюде вырисовывался облик полудницы.

Вот она с боевым мечом, в другой руке – отрезанная голова монгольского дива глазами-щёлочками вращает, ядом плюётся. Полудница с того заливисто хохочет. Вокруг сеча; трубит победу Индрик-зверь Мары Моревны.

Иной раз показало блюдо хоровод. Макушка лета, праздник Иван Купала. Славные игрища, костёр, смех, песни. Грёза наводит морок; ищут деревенские дурачки под цветущим папоротником блестящие каменья.

Поначалу я жадно всматривался, не мелькнёт ли в крыжовниковых глазах капелька грусти, крохотной задумчивости, тень воспоминания о Тени.

Нет.

…Вот полудница в человеческом обличии, рядом всадник на коне в богатой сбруе. Прячет Грёза смущённый взгляд под цветочным венком. Молодец ус накручивает.

– Смотг'и, 'смотг'и! – Всплескивал перстнями демон. – Нет, какая ветг'енница! – Неодобрительно качал ухоженными кудрями, притворно вздыхал. – Смег'тные пг'авы: куг'ица не птица …

В другой раз полудница невестой во главе свадебного стола; сарафан вышит скатным жемчугом. Рядом – смертный в княжеском кафтане. Пир горой, братину по кругу пустили, скоморохи пляшут. Грёза светится, от глаз по стенам яркие блики, на лице полуулыбка.

– Бг'ачное ложе смотг'еть будем? – как бы невзначай интересовался демон. Кривился: – Тьфу, гадость. Непг'еменно!

Отворачиваться нельзя. Закрывать глаза запрещено: ошейник чутко шипит на непослушание. Поэтому научился равнодушию: ну, полудница, и что? Мало ли полудниц по лесу смертных очаровывает. Вон, какой славный узор по краю волшебного блюда выведен, а по земляному полу червяк извивается…

Затем демону надоела забава. И я лишился возможности видеть полудницу.

Рыщу по катакомбам колдовской свиток. С ним обретёт Филотанус власть безмерную: лес – под топоры, Кощея – в темницу, нашу речь заменить на иноземную, деревянных человечьих идолов – в костёр, неугодных – в расход, людей – в скотское рабство. Меня, игрушку безвольную, швырнёт на забаву злыдням. Те уж давно облизываются. Припомнят и отрезанные крылья, и обломанные рога, выбитые зубы и скаредные шутки.

Не хочу! Умру здесь и сейчас. Поделом. Я и так давно мёртвый. Уже и забыл, каково быть живым. Каково это бегать человеком. Начал жить человеком, закончил нечистью в ошейнике раба. Оборотень Тень – лишь промелькнувшая тень на каменной стене пещеры жизни. Звено в оковах бытия… Ни памяти, ни следа, ни тени.

Смерть лучше ожидать в человеческом обличии. Лёг на бок, обнял поджатые колени. Приди, матушка-избавительница – услада от жизненных бед.

– Смерть, я тебя иной представлял.

Уж чудится: будто смерть – маленькое жёлто-рыжее пятнышко, прям моча на снегу. Дует Смерть в дуду, шире ушей раздуваются щёки.

Или не Смерть это вовсе? Тогда почему тянет уши вырвать, в глотку засунуть?

Рука сама нащупала камень, подняла и швырнула в жёлтое пятно. Не мешай умирать! Жёлтое пятно – в сторону, дудка – в другую. Громко стукнуло, ойкнуло, звякнуло, выругалось и смолкло.

Тишина нахлынула так резко, что я потерял сознание.

Приснился лес. Солнышко, яркая листва, букашка жужжит. Мягкий мох под лапами, стайка вертлявых птиц на ветках чертополоха. Вдруг куст обернулся знакомцем, лешим Шарашкой, и как гаркнет:

– Не шпи! Вштавай!

Вовремя я очнулся. Вскочил, перекатился по полу и вжался в стену. Как хорошо, что тело снова слушается!

На том месте, где я валялся пустой шкурой, топчется поросшая мхом гора. Затем неторопливо повернулась – бог Черногор! – торчат три длинных змеиные шеи с рогатыми головами.

– Уж не сородич ли Церберу? – Случалось мне встречаться с этим милый псом. Лапу научил подавать и выть на невидимую из ада луну. – фьють, хорошая собака. Ένα καλό σκυλί! Μη φοβάσαι! Не бойся!

Три пары глаз одновременно моргнули. Средняя голова облизнулась длинным раздвоенным языком. Сверкнули кинжальные клыки.

– Нет, не собака.

У этой бочки с лапами с Цербером только и сходства что голов более одной. Разглядываю толстую грудину: где уязвимое место? На вид чешуя крепче самолучших доспехов.

Вот ведь окаянный!

Перекувырнулся в безопасный угол. Там, где я стоял, в стене вдруг дыра, рухнули камни. Вот это удар! Силён хвост!

Я залёг за сундуком. Вон, чудовище, рыщет – аж под потолком ноздри раздуваются.

Ищи-ищи, меня за сундуком нет, зря зубами щёлкаешь. Под ТВОИМ чешуйчатым брюхом нырнул и вот уже за колонной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.